

Н. А. Дарбанова

*Бурятский государственный университет
ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, 670000, Россия*

ndarbanova@mail.ru

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В РЕЧИ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Рассматриваются особенности самоидентификации, выраженные в речи забайкальских старообрядцев (семейских), одной из локальных этноконфессиональных групп русского населения Бурятии, отличающейся языковыми, культурно-бытовыми, религиозными чертами. Семейским свойственна диффузность самосознания: при отчетливом осознании своей групповой идентичности у них возникают затруднения с этнической и религиозной самоидентификацией. Определенная групповая самоидентификация семейских сосуществует с диффузностью их этнической, региональной и религиозной идентификации, которая обусловлена наивными, упрощенными представлениями, существующими в их сознании. Такая неопределенность находит выражение в парадоксальных противопоставлениях в рамках оппозиции «свой – чужой»: парадокс этнической самоидентификации – оппозиция «семейский – русский»; парадокс региональной идентификации (принадлежности к региону): а) оппозиция «семейский – сибиряк», б) оппозиция «семейский – расейский»; парадокс религиозной самоидентификации – оппозиция «православный – семейский». В ситуации внутренней самоидентификации конфессиональная принадлежность является первичной, а языковые и культурно-бытовые особенности – вторичными, осознаваемыми только в ситуации сопоставления при непосредственном контакте. В ситуации внешней идентификации на бытовом уровне примарными становятся языковые и культурно-бытовые признаки, а вторичным признаком – религиозный. Оппозиции «семейский – русский», «семейский – сибиряк», «семейский – православный» при ближайшем рассмотрении не парадоксальны и являются следствием развития диалектных значений слов *сибиряк* и *православный*. Оппозиция «семейский – русский» обусловлена выделенностью семейских на общем фоне русского населения Забайкалья благодаря контрастности и культурной значимости маркирующих эту группу идентифицирующих признаков. Фактор выделенности семейских способствует сохранности их как специфической группы русского народа, несмотря на «дрейф» идентичности.

Ключевые слова: самоидентификация, национальная идентичность, религиозная идентичность, говоры старообрядцев (семейских) Забайкалья.

Цель исследования – выявить особенности самоидентификации, выраженные в речи забайкальских семейских. Под самоидентификацией понимаем осознание своей тождественности с сообществом.

Источник материала – записи, сделанные автором статьи в диалектологических экспедициях с 2007 г., «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» [СГССЗ, 1999], «Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье» [Майоров, 2011].

Семейские – локальная этноконфессиональная группа русского населения Бурятии, выделяющаяся на основании языковых, культурно-бытовых, религиозных особенностей. В настоящее время семейские проживают в селах Тарбагатайского, Мухоршибирского, Бичурского, Заиграевского районов Республики Бурятия и Красночикойском районе Забайкальского края, а также имеются поселения и в других районах Бурятии: Кижингинском, Кяхтинском, Селенгинском, Хоринском. Этноконфессиональная группа семейских сформировалась в Забайкалье во второй половине XVIII в., это были старообрядцы, в 1735 и 1764 гг. изгнан-

ные из поселения на р. Ветка, находившегося на территории Речи Посполитой (современной Белоруссии), и отправленные в Сибирь, затем расселенные в Тарбагатайской, Куналейской, Мухоршибирской и Урлукской волостях Верхнеудинского и Нерчинского округов. К этому времени почти вся территория Забайкалья была освоена русскими переселенцами преимущественно из северных регионов европейской части Российской империи, с XVII в. обосновавшимися в Сибири и именуемыми сибиряками, в научной литературе – старожилами. Таким образом, во второй половине XVIII в. в Забайкалье возникла новая группа русского населения, отличавшаяся от местных русских старожилов по культурно-бытовым, религиозным и языковым признакам.

Вновь прибывшие переселенцы были носителями южнорусского говора, тогда как основа старожильского русского населения Забайкалья представляла собой носителей севернорусских говоров. Поселения старообрядцев выделялись внешним видом домов, их внутренним убранством, традиционным укладом жизни. Наряд семейских, особенно женский, существенно отличался от одежды местного населения. Но наиболее важным признаком, противопоставляющим новоприбывших русским старожилам Забайкалья, была, конечно, принадлежность к старообрядчеству, которая определила их обособленное существование на протяжении более трех столетий и тем самым сохранный культурно-бытовые и языковые особенности, а также обусловила целостность, цельность и устойчивость этой группы. Степень сохранности зависела от изолированности семейских сел от окружающего иноязычного и инодиалектного населения, удаленности старообрядческих деревень от крупных населенных пунктов, наличия социально-культурных объектов и их уровня, развитости инфраструктуры села и др. факторов.

В настоящее время у семейских при отчетливом осознании своей групповой идентичности возникают затруднения с этнической и религиозной самоидентификацией, т. е. им свойственна диффузность самосознания.

Групповая идентификация семейских, т. е. осознание ими собственной принадлежности к особой группе и с внешней стороны отождествление семейских как таковых с представителями других групп населения Забайкалья, вполне определенная и четкая: *Я сямейская, мои дѣти – сямейские, мѣтка, бѣтка – да усѣ сямейские, ѣто уж как сконовѣку* ('испокон веков') *было, так и бѣетъ* (Шал., Тарб.); *Мы-то, сямейские, бѣдто няздѣшние, с Пѣльшии пришедчи, при Екаторѣне сосланы. Да мы уж сколь вековъ здѣсь живѣм, и дѣды, и прѣдѣды тѣта рождѣны. Я дак ишишѣю: мы здѣшние, и всѣ тут* (Б. Кун., Тарб.); *Мы, сямейские, такіе – крѣпкие, вѣра у нас такаѣ, старѣя вѣра, крѣпкая...* (Шал., Тарб.); *Я сямейскою былѣ и сямейскою бѣду и сямейский сарахѣн срѣду ня забѣду* (частушка); *Я-то православная, не сямейская, но у нас тут сямейские есѣ, много. Вон Дѣся, Ульѣяна, да много. Татары есѣ* (Хонх., Тарб.) (материалы экспедиций автора).

При этом определенная самоидентификация семейских сосуществует с неопределенностью, диффузностью их этнической, региональной и религиозной идентификации, которая обусловлена наивными, упрощенными, представлениями, существующими в их сознании. Такая неопределенность находит выражение в парадоксальных противопоставлениях в рамках оппозиции «свой – чужой».

Парадокс этнической идентификации: оппозиция «семейский – русский»

Своеобразие этнической идентификации забайкальских семейских заключается в размытости их представлений о собственной этнической принадлежности и реализуется в парадоксальной оппозиции «русский – семейский», репрезентирующей в подобных высказываниях: *Муж-то сямейский, а она – русская* (В. Жир., Тарб.); *Она не русская, сямейская* (Дес., Тарб.); *Мы в Ёрлуке жили, а в Усть-Ёрлуке – казаки, русские. Онѣ нас не любѣли, бичѣми гонѣли. Вот идѣшь мѣмо тихѣнько, чтоб не увидѣли. А увидѣят, запѣрут* (Белооз., Джид.) (материалы экспедиций автора).

Семейские, будучи русскими, считают, что они принадлежат к особой этнической группе, не относящейся к русскому народу. Причем парадоксальность этого противопоставления усиливается тем фактом, что семейские, в отличие от остального русского населения в Буря-

тии, в большей степени сохранили этническую «чистоту», поскольку религиозные воззрения не позволяли им вступать в браки с иноверцами. Основанием возникновения оппозиции «русский – семейский» явилось осознание выделенности их группы на общем фоне русского населения Забайкалья, базирующейся на ярко выраженных устойчивых языковых, субконфессиональных, культурно-исторических отличиях, например: *Мы, сямейсти, боўсе чўдно гворім. Сына ув а́рмии был, я к н́яму по́ехала, а ряб́ята-та я́б и спра́шивають: «Во-ой, дак а ма́тка-то твоя́ ня ру́сская, что ли? Что гво́рит-то, не разбярёшь. О́на по ка́кому гво́рит-то?»* (Дес., Тарб.); *У нас, у семе́йских, всё на «я» да на «у»: «уот» да «усё», да «т́ряттёўни»* ('позавчера'), «сарах́аны» да «мутóўки» (Б. Кун., Тарб.) (материалы экспедиций автора).

Также причиной появления этой парадоксальной оппозиции, на наш взгляд, стала длительная обособленность старообрядцев от остального русского населения в силу религиозных воззрений и специфики исторической судьбы, запреты на контакты, проявляющиеся в чашечничестве – запрете на молитвенное и трапезное общение с иноверцами и членами других направлений старообрядчества и др., закрытость из-за необходимости скрывать свою принадлежность к старообрядчеству вследствие постоянных гонений со стороны государства и официальной церкви. При этом усиление дискриминации старообрядцев и их самоизоляция вызвали двойственную реакцию – укрепление групповой самоидентификации и одновременно ослабление этнической идентификации.

Кроме того, эта оппозиция, возможно, поддерживается существовавшим ранее, например в XVIII в., противопоставлением Сибири и Руси, как называли в то время европейскую часть Российской империи: *И в означенную перепись за отлучкой на л́сном зв́рином промы́лу не написан и в Русь сродственников моих никого не им́ется* (ф. 262, 1740). *Находится в неполном разуме, и неоднократно уже збирается идти в Русь в прежнее свое жилище* (ф. 20, 1792) [Майоров, 2011. С. 419].

Сибиряки именовали русскими жителей европейской России и переселенцев в Сибирь второй волны, относящейся к середине XVIII – началу XX в. Однако в настоящее время оппозиция «семейский – русский» уже не означает противопоставление по региональной принадлежности, а представляет собственно этническую категоризацию.

Противопоставление «семейский – русский» свойственно и внешней идентификации, со стороны представителей других групп населения. Например, сотрудница администрации, не семейская, так определяет национальный состав населения: *У нас живу́т ру́сские, семе́йские, тата́ры, две буря́тские семьи́ и оди́н удму́рт. Ру́сских и семе́йских – приме́рно пятьдеся́т на пятьдеся́т <...> Сосе́дние се́ла: Никóльск – семь киломе́тров, там семе́йские живу́т, Харашиби́рь – ру́сские, буря́ты, тата́ры, семе́йских нет* (Хонх., Мухор.) (материалы экспедиций автора).

Наивные представления об истории старообрядчества, в том числе семейских, незнание исторических фактов также способствуют расшатыванию этнической самоидентификации: *А мы кто? Поля́ки, что ли... С По́льши прише́дши, гво́рят... А я ду́маю, мы ру́сские все́-таки. Гво́рим-то по-ру́сски* (Белооз., Джид.); *Мы-то, семе́йские, бы́дто нязде́шние, с По́льши прише́дчи, при Ека́терине со́сланы. Да мы уж сколь веко́в здесь живём, и де́ды, и пра́деды ту́та рождёны. Я дак иши́таю: мы зде́шные, и всё тут* (Б. Кун., Тарб.); *Дак уот ня зна́ю, отку́дава взяли́ся. Уот сямей́сти да сямей́сти. Гво́рят, бы́дто с По́льши, да тяне́рь хто узнáт-то, стари́ки-то усё помё́рили. Нет, ма́ма не скáзывала. Да ко́го, нягра́мотная о́на, да я то́же. Уон вы туды́ ва́ли́тя, там стару́ха живёть, уот о́на-то вам расска́жет, уот о́на-то зна́мая* (Корд., Тарб.) (материалы экспедиций автора).

Парадокс региональной идентификации (принадлежности к региону)

1. Оппозиция «семейский – сибиряк»: *Сибиряко́в мы сибиря́ками так и зва́ли, а о́ни-то нас семесю́хами называ́ли* (Бич., Бич.) [СГССЗ, 1999. С. 424]; *Ба́тя – сибиря́к правосла́вный, а ма́тка – семе́йская* (Б. Кун., Тарб.); *Сибиря́ки жани́ха с невестой под вене́ц у це́рковь ве́дут, у нас тако́го не́ было* (Шарал., Мухор.); *Ба́бка-то на́ша заря́вела: «Вой, он пои́то́ сибирку́-то взял?»* (В. Жир., Тарб.); *С сибиря́чкой мо́гли сва́дьбу не сде́лать, у́рызными назы́-*

ва́ли, значить, они́ не чи́сты се́мейски (Куйт., Тарб.); *У них сиби́рская ве́ра, не на́ша* (Б. Кун., Тарб.); *Мы в сиби́рскую це́рковь не ходи́ли, у нас сво́я часо́вня ся́мейская бы́ла* (Бич., Бич.); *Вот отве́ать, кади́льницей э́так разма́хивать – э́то все́ сиби́рская мо́да бы́ла, у нас не так* (Бич., Бич.); *Эта у́лица так и на́зывается Сиби́рская, там сиби́ряки́ живу́т* (Куйт., Тарб.); *На тэ́й у́лице одні́ сиби́ряти́ живу́т, се́мейских не́ту-ка* (Куйт., Тарб.) [СГССЗ, 1999. С. 427].

Парадоксальность этой оппозиции в том, что, как известно, сибиряками называют всех жителей Сибири, а семейские Бурятии, будучи также частью населения Сибири, себя сибиряками не считают. Однако эта на первый взгляд алогичная оппозиция объясняется диалектным значением слова *сибиряк* и его производных – так семейские именуют потомков первых русских поселенцев – старожилов, мигрантов первой волны заселения Сибири с XVI до середины XVIII в.

2. Оппозиция «семейский – расейский». Несмотря на оппозицию «семейский – сибиряк», семейские все-таки причисляют себя к жителям Сибири и по региональному признаку противопоставляют себя выходцам из европейской части России – *Расеи*, называя последних *расейскими*, *западниками*: *Ра́ньше в сарахва́нах ходи́ли, бра́во. Потом за́ле́зную доро́гу стро́или – за́падники при́шли. Они́ отымал́ками* (отымалка перен. 'о неряшливом человеке') *ходи́ли в ла́пках* ('лаптях') *кати́х-то – плетё́нках за́падных, в ко́хтах, ю́бках ходи́ли. Ой, мы дикава́ли* ('удивлялись'), *на них гляде́ть бе́гали, чу́дно бы́ло. А потом то́же отымал́ками ходи́ли в ко́хтах, ю́бках, из мяшко́в ши́ли* (Шал., Тарб.) [Дарбанова, 2007. С. 140]; *Они ра-се́йские, суды́ к нам прие́хали с Расе́и, да тут и оста́лись. (Где?) Да у нас, у се́мейских, у Со-лонца́х. (Откуда именно они приехали?) Да с Расе́и, а уот уж отку́дова, не приду́маю* ('не вспомню')... *Я-то кого́, ма́ленька бы́ла. Эта на́до старинных ба́ушек поспра́шивать, ба́ушку Соломониду́ али кого́ ишо́* (Шал., Тарб.) (материалы экспедиций автора).

Оппозиция «семейский – расейский» также основывается на значении диалектных лексем, известных всем русским говорам Сибири: *Расея* 'наименование европейской части России', *расейский* 'житель европейской части России'.

Парадокс религиозной идентификации: оппозиция «православный – семейский»

Согласно своему религиозному мировоззрению, старообрядцы считают себя единственными носителями истинной веры, существовавшей до раскола церкви, и противопоставляют себя *православным*, называя так представителей русской православной церкви: *А в Нары́не – с повеко́н веко́в смесь там: и правосла́вные, и ся́мейсти, и бу́ряты* (Леон., Киж.) [СГССЗ, 1999, с. 446]; *Отпева́ють покойника́ у ся́мейских уста́вишки, а у правосла́вных – по́п* (С. Брянь, Заигр.) [Там же. С. 489]; *Ба́тя – сиби́ряк правосла́вный, а ма́тка – се́мейская* (Б. Кун., Тарб.) [Там же, с. 427]; *Ка́рым* ('представитель русского населения Забайкалья, потомок смешанного брака русских и бурят') – *не то́лько бу́ряты, правосла́вный то́же ка́рым, усе́, у кого́ ве́ра дру́гая* (Хас., Хор.); *У нас не ходи́тя, там ка́рымь, ся́мейстих не́ту-ка* (Хас., Хор.) [Там же. С. 195].

Парадоксальность этой оппозиции обусловлена исконной принадлежностью старообрядчества православию. Лексема *православный* в говоре семейских утратила прежнее значение, развив диалектное 'не семейский, не старообрядческий'. Такое изменение семантики, безусловно, мотивировано экстралингвистическим фактором – субконфессиональными разногласиями между направлениями православия.

Итак, основными внутригрупповыми и внешними идентифицирующими признаками семейских, маркирующими их принадлежность к группе, являются:

- языковые признаки (сохраняющиеся южнорусские черты в говорах семейских, несмотря на ассимилирующее воздействие русских старожильческих говоров, севернорусских по происхождению);
- религиозные признаки (приверженность старообрядчеству, русское старожильческое население Забайкалья исповедует официальное православие);

- традиционные культурно-бытовые признаки (внешний вид поселений семейских, архитектура и внутреннее убранство домов, традиционная одежда, специфика духовной культуры, обусловленная принадлежностью к старообрядчеству).

Иерархия по значимости идентификационных признаков варьирует в зависимости от внешней или внутригрупповой идентификации. Для семейских при самоидентификации конфессиональная принадлежность является первичной, а языковые и культурно-бытовые особенности – вторичными, осознаваемыми только в ситуации сопоставления при непосредственном контакте. Напротив, в ситуации внешней идентификации на бытовом уровне первичными становятся языковые и культурно-бытовые признаки, а вторичным признаком – религиозный. Вероятно, это обусловлено, во-первых, общей идеологической и политической ситуацией в России XX в., характеризующейся широким распространением атеистического мировоззрения и, как следствие, отсутствием демонстрации семейскими, как, впрочем, и всеми членами социума, своих религиозных взглядов. Соккрытие старообрядцами своей принадлежности к древлеправославию имеет давнюю историю, начавшуюся с момента появления старообрядчества как протестной формы против нововведений патриарха Никона и продолжавшуюся до конца прошлого века.

Таким образом, трансформация некоторых внешних (формальных) и внутренних (мировоззренческих) идентификационных признаков вызвана широким наступлением современной жизни и вытеснением на периферию рефлексов традиционной культуры семейских.

Определенная групповая самоидентификация семейских сосуществует с флуктуацией их этнической, региональной и религиозной идентичности, выражающейся в парадоксальных оппозициях «семейский – русский», «семейский – сибиряк», «семейский – православный», последние из которых при ближайшем рассмотрении не парадоксальны и являются следствием развития диалектных значений слов *сибиряк* и *православный*. Оппозиция «семейский – русский» обусловлена выделенностью семейских на общем фоне русского населения Забайкалья благодаря контрастности и культурной значимости маркирующих эту группу идентифицирующих признаков. И именно фактор выделенности семейских способствует сохранности их как специфической группы русского народа, несмотря на «дрейф» идентичности.

Список литературы

Дарбанова Н. А. Лексикографическое описание экспрессивной лексики говорів старообрядцев Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 222 с.

Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2011. 584 с.

СГССЗ – Словарь говорів старообрядцев (семейских) Забайкалья / Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова и др.; под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск: Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГТМ, 1999. 540 с.

Список сокращений названий населенных пунктов и районов Республики Бурятия

Б. Кун. Тарб. – с. Большой Куналей Тарбагатайского района
Белооз. Джид. – с. Белоозерск Джидинского района
Бич. Бич. – с. Бичура Бичурского района
В. Жир. Тарб. – с. Верхний Жирим Тарбагатайского района
Дес. Тарб. – с. Десятниково Тарбагатайского района
Корд. Тарб. – с. Кордон Тарбагатайского района
Куйт. Тарб. – с. Куйтун Тарбагатайского района
Леон. Киж. – с. Леоновка Кижингинского района
С. Брянь Заигр. – с. Старая Брянь Заиграевского района
Тарб. Тарб. – с. Тарбагатай Тарбагатайского района
Хас. Хор. – с. Хасурта Хоринского района
Хонх. Мухор. – с. Хонхолой Мухоршибирского района
Шал., Тарб. – с. Шалуты Тарбагатайского района
Шарал. Мухор. – с. Шаралдай Мухоршибирского района

N. A. Darbanova

*Buryat State University
24a Smolin Str., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation*

ndarbanova@mail.ru

PARADOXALITY OF SELF-IDENTIFICATION IN THE SPEECH OF OLD BELIEVERS

The article deals with the peculiarities of self-identification in the discourse of Transbaikalian old believers (Semeiskiye), one of the local Russian ethno-religious groups in Buryatia distinguished for their linguistic, cultural, everyday life and religious features. The Semeiskiye possess self-identification diffusion of self-consciousness: in spite of their clear awareness of their group identity they face certain difficulties with ethnic and religious self-identification. The group identification of the Semeiskiye co-exists with the diffusion of their ethnic, regional and religious identification which is determined by naive, simplified beliefs in their mind. This ambiguity finds its expression in the paradoxical oppositions of the socio-cultural category «friend-or-foe»: the paradox of ethnic identification is revealed in the opposition «Semeiskiy – Russian»; the paradox of regional identification (belonging to some locality) is represented by the oppositions a) «Semeiskii – Siberian», b) «Semeiskii – Raseiskiy»; the paradox of religious self-identification is manifested in the opposition «orthodox believer – old believer». In the situation of inner self-identification religious belonging is primary, there by linguistic, everyday life and cultural peculiarities are secondary, being realized only in situation of comparison, in the face-to-face communication, while in the situation of outer self-identification in day-to-day life, linguistic, cultural and everyday life identifications become primary and the religious one becomes secondary. Nevertheless the oppositions «Semeiskiy – Russian», «Semeiskiy – Siberian», «old believer – orthodox believer» are not paradoxical at all, when being looked upon closely, but are the result of the dialect meaning development of the words «Siberian» and «orthodox believer». The opposition «Semeiskiy – Russian» is determined by the fact that the Semeiskiye are distinguished among the other Russian people inhabiting Transbaikalia due to contrast and cultural significance which mark out this cluster of identification characteristics. This factor promotes the safety of the Semeiskiye as a specific group of Russian people in spite of the «drift» of their identification.

Keywords: self-identification, ethnic identity, religious identity, dialects of Old Believers (Semeyskiye) of Transbaikalia.

References

Darbanova N. A. Leksikograficheskoe opisanie ekspressivnoi leksiki govorov staroobryadtsev Zabaikalya [Lexicographic Description of Expressive Vocabulary of Zabaikalian Old Believers' Subdialects]. Ulan-Ude, Buryat State University Press, 2007, 222 p. (in Russ.)

Mayorov A. P. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka: Vostochnaya Sibir'. Zabaikalye [Dictionary of Russian language of the XVIII century: Eastern Siberia. Transbaikalia]. Moscow, Azbukovnik, 2011, 584 p. (in Russ.)

ГТСС3: Slovar' govorov staroobryadtsev (semeyskikh) Zabaikalya [Dictionary of the dialects of Old Believers (Semeiskiye) Transbaikalia]. Authors: T. B. Yumsunova, A. P. Mayorov, N. A. Darbanova et al. Ed. by T. B. Yumsunova. Novosibirsk, SB RAS Press, 1999, 540 p. (in Russ.)